

Наш собеседник — народный артист СССР Игорь ГОРБАЧЕВ

Самодина в Москве, в помещении театра имени Евг. Вахтангова начинает гастроли Ленинградский академический театр имени А. С. Пушкина. Недавно он открыл свой 223-й сезон.

На протяжении веков сцена этого театра была прославлена именами великих реалистов — драматургов, актеров, режис-

С первых же лет Советской власти театр одним из первых в стране проявил деятельный интерес к молодой советской драматургии, отразившей величайший социальный переворот в судьбах человечества. Помимо театра в этом направлении последователи и актеры. Он давно стал своеобразной лабораторией современной драматургии.

О современнике, главном герое Ленинградского академического театра драмы имени Пушкина, говорили мы с художественным руководителем, народным артистом СССР И. О. Горбачевым.

— Кажется, было это совсем недавно: на сцену пришел человек из гущи нашей жизни и принес свое дело. — Начал разговор Игорь Олегович. — Проблема рабочих будней стала в этих пьесах не одной из главных. Но фоном для привычных коллизий, в главных героях. Было это лет восемь-тому назад, но более. А без подсказки пьес современного театр уже трудно представить.

Нашей первой «пробой» и в этом направлении стала пьеса М. Савиной «Иней на скалах». В ней автор не ставила перед собой никаких этических задач, не хотела этим же быть объектом, а лишь хотела выразить свое понимание совершенства. Она не просто описала, как в жизни складываются характеры, конфликты, выяснили новые отношения, а порою и сама была участницей событий. Поэтому же знакомство с пьесой обрело для нас глубинный смысл: мы получили представление о современном уровне знаний, о состоянии культуры, о моральной ответственности, о разумности искренности, которая пропитывает авторское представление о решении этих проблем. Это было, безусловно, интересно и важно, значительным и в самом. Безусловно, необходимостью в разрешении такого рода пьесы нами была отмечена, а выбора не было.

Но представили себе, по предложению дет. зызя из быт. театр. труппы Момсеева сегодня, а том, тогдашнем же состоянии? Душно, автор же сам отнесся бы к ней критически. И к подобной тематике драматургия в последние годы повсюду отшатнулась, к счастью, всем фронтом. Но... Неудавно привнес мне один драматург свою пьесу. Весьма, знаете ли, соладно-сколодену, и запаха жарга собадену, и концы с концами сходится, и язык забурлит. Но она зыя — ку пуста. И мы от нее отказались.

[illegible]

— В чем, с вашей точки зрения, сегодня смысл «современного», если говорить о драматургии?

— В точности жизненных конфликтов, ситуаций, проблем, проблематики.

го осмысления, раскрытия. И здесь потребностями стала — не самое тяжкое преступление. Если тема крупна, если она порождает требования жизни и позиция драматурга, театра способствует ее верному разрешению, — такая пьеса имеет право на жизнь.

В прошлом сезоне мы поставили спектакль по пьесе Храб-

3 серд

ровничку: «Пока бьется сердце, сегодня мы покажем тебе мои стихи». Писал это о человеке, одержимом большими мыслями, высокими задачами. Он посвятил свою жизнь тому, чтобы счастья человечеству от тяжкого бедствия. И он научился писать человека, в другом мире с тем научатся. Прекрасно? Безусловно. Но, занятый благодеянием людям, он просмотрел человека рядом с собой, и этот человек погиб. Он, врач, не понял, что лечит не только человека. Просто не понял, что человек — это не просто излуженный — все, в чем живет тепло души.

Мне становится, что эта повесть не окончательная, что калымки из его героев несет в жизнь свои познания ее. Разве не важна, не остра сегодня тема назначения художника? Героям нашего спектакля, постаресса, умудря, мучается не безвременностью смерти, а тем, что за всеми литературными диспутами, вечерами, за всей такой ерундой бы значимой духовной, возней просматривала эпоху. Прошла по кромке жизни, лица ее истинного так и не разгадала.

Театр в этом спектакле нужен был прямой, открывшая публичность выхода на рынок, обращение в зал. В шпексе этого не было.

Театр сегодня жаждет гражданского лафоса, благородства в героическом начале частного человека. Но не без обиде, бо больше, чем критериям в бо-льшой мереки человеческих де-лений! Напротив, эти высокие требования приближают сегодня к каждому человеку. И в убеждении, что каждый человек, правдиво настроенный, может быть героем, ибо в трудный момент он честен и стой-

Кто только не озабочен в наши дни духовным состоянием молодежи. А что происходит в театре? Поток идет пьесы, вся жизнь героев которых — мимолетные воспоминания о мимолетных встречах.

Легкость нравов необыкновенная, вот, мол, какие мы свободные! А жизнь им мстят просто в беспощадно — любят о ней, как люди, как мы когда-то, как всегда до нас! А к чувству этому, к всепоглощающей силе его не подготовлены. Вот такую песню трудную, но стреляющую, наш театр взял бы с удовольствием.

Итак посмотрите, сколько песен поется у нас о Баме. Правда, же настроения, впечатления, которые вселяют гитары, а даже на поверхности души. А если в Баме найдется учитель, который знает историю, историю преподавателя величайшей драмы. И не оговорюсь. Бам — это освещенная и оправданная великим делом драма. Не потому, что там голод, тус, хозяйственный крик, а потому, что там огромный мир, огромный поток на восток рождает новое. И не только дорога. Новый дом, семья, любовь, и на этом пространстве рождается в какой-то степени основанном счастье, которое восток сам счастливо обретает. Новый

смысл. Это современно, остро.
интересно, значительно.

Вот если кто-нибудь привезет такую пьесу с Баме, мы ее поставим. И пусть она будет как угодно несовершенна. В конце концов пьесы не случайно предавались огню для спичечной жизни. А я верю в возможность театра, открытого задвечу с большой буквы.

а ж е ч
ца лн

— Вы играли много современных ролей. Что парадоксально в том, что умерло в характере современного театрального героя?

— С той поры, как я играл доктора Устинько и Александра Водерикова, много воды утекло. Героя менялись, я сам менялся. Актер — самый подвижный из всех инструментов театра. Актер, если он актер, не только знает, о чем играет, он чувствует время.

Когда-то на нашей сцене Николай Константинович Черкасов блистательно играл академика Дронова, большого человека, думящего о главном и желющего служить людям. И вместе с тем человека влюбленного. Я тоже был занят в том спектакле в видеца, как «тезис» было черковскому талантлив в рамках образа, как он заглянулся от эстетики выпрежня слов... Но герой был порождение временем и ушел вместе со своим временем.

И вот сейчас мы говорим о герое нашего времени. Человеке дела, разума, сильной воли и крепких нервов. В течение нескольких лет мы увлечены радиоэвализмом, мыслями и порывами. Сила не, прост наш мир, его не обмань всяким, приходясь то в дело раскидывать умом. А почему, собственно, только умом? Ведь не изжила себя и вера, не всякую, иногда благородство, самопожертвование, нежность.

Думается, увлекаясь радионавизмом на русской сцене, мы очень скоро обнаружим, что наш герой попросту не соответствует русскому национальному характеру. А ведь это дело не только принципа, но и сценической правды. Широка натура, органичное умение быть для близких «скорой помощью», чувства ясны, чувства юмора, заправленные на самом себе и способные применить себя в ту минуту трагической, — все это, являлось свойственно русскому человеку. И, отказываясь от этого, мы, должно быть, искажем истину.

В ясные времена дляные культуры разных народов друг на друга огромно. Но чтобы это влияние было плодотворным, оно должно опалать всеобщему знаменательству, разрабатывать некий «среднеевропейский» стандарт». Если уж говорить о других, то мы им ни в коем случае не равны. Мы — русский театр в исследуемом русском характере. Скоро мы будем отмечать 250-летие со дня рождения первого русского драматурга — Афанасия Филиппова. Ведь не только потому мы его помним, что он основал в России профессиональный театр, а потому, что он вывел на сцену демократичность и глубокую социальную цельность русского искусства.

АЛЕКСАНДР

Меня волнует в то, что современный герой, как правило, человек молодой, и играют его в театре молодые актеры. Однонаправленность героя сдерживает, деформирует актерский талант. Я мечтаю о том, чтобы перед героями современной дра-

ым актер оказался в состоянии Пьера Безухова перед Платоном Каратаевым, чтобы утешить человека в целом, асплестуя руками и подумал: «Батюшки! И жалок он, и умен, и добр, и себе на уме, и смешной, и великодушен! А главное, есть в нем то, чего во мне нет, но так замечательно, и зритель не, но быть должно».

ПЬ ОДЕЙ

— Но ведь даже с классикой отношения у современного театра складываются не просто.

— По другим причинам. Главные в них — угасание классики во времени, верность акцента. Ведь классику не переделывай в нужном русле, זו זענען נישט די זאכן. Конечно, классика есть классика, она объемная, и всегда можно объемно выжить: одно направление, одну тему. Однако не счесть примеров тому, когда прекрасная вещь в зрелищном театре не только не падала, а была, но

[illegible][illegible]

— Да, мы пережили трудные времена. И тому причины давние. Полвека назад появилась в нашем театре блистательная плеяда молодых актеров, каждый из которых был личнос-

ство творческие и человеческие безграничны! Черкасов, Симонов, Чесноков, Меркурьев, Борисов, Толубеко — этихъ именъ не перечисляешь! — Театръ не можетъ работать, не растётъ на нихъ. Шла война, и театры все было раскрывались. Но потомъ стала стареть они, и вместе съ ними стареялся ваш репертуаръ. Молодые приходили, а старые уходили. Театръ не растётъ на подвиге не растёт. И кто-то изъ молодыхъ уходил, большинство оставалось, созная, въ что они себе обречутъ. С горечью могу сказать сегодня, что изъ молодыхъ у нас не состоялось большинство. Из проблемы организационной выросла проблема нравственная. Мы теряли чиную перед собой, передъ молодыми, передъ зрителемъ. Мы не могли сказать, наконецъ, а потомъ настала война, когда многих изъ нашихъ великихъ стариков мы проводили в погребенияхъ театральных. Да, было время — хоть караулъ кричи. Были времена, когда театры не давали искусства, а лишь себя и искусство жалили те, что удали гипертермический. Наши старейшины верой в правду служили искусству. И в моменте труднейшего, когда не было ничего, когда каждого человека, в нашемъ театре пахнувшего зарядъ творческихъ, преследующий талант.

Нам и сегодня трудно. Таланты Симонова, таланты Меркурьева мы не скоро найдем достойную замену. Но театр живет не административно — настоящей жизнью. Да, остро проблема репертуара — он должен захватывать все поколения актеров. Остро проблема роста молодых. Мы создаем молодежную школу со своим репертуаром, где замечки поколений станут с ног на голову: старики скажут «не подкачать».

— Однако и сегодня Пушкинский театр воспринимается более, чем любой другой, традиционным...

— Мне думается, это восприятие не зависит ни от возраста, ни от наших текущих забот и задач. Во главе угла зрительского восприятия всегда лежит главное направление в развитии театра. У нас оно традиционно в таком виде останется.

За последнее время обострился вопрос о судьбе театрального складского хозяйства. Оно является делом не только важным, но и полезным. И в нем требуется искреннее признание. Но за дачей нашего театра всегда было другое: найти достойный потенциал времени. Горького не раз спрашивали: почему он делает героями своих произведений то Пеллеаго Власову, то маститых Нила. Ведь в жизни таких людей — мизер, едальщица. Он отвечал: важно зажить солнцем, при его свете будет выдана пласенья в каждом темном углу.

Мы тоже, рассказывая о том прекрасном, что есть в нашем времени и в нас самих, стремимся, насколько позволяет нам талант и умение, зажечь солнце и при свете его рассмотреть окружающий мир. Конечно, можно вооружиться и электрическим фонарем, но есть опасность в луче его частный случай принять за болезнь общества.

Нашу позицию часто смешивали с лавиризмом. Могли сказать: «одно: история оптимизма — это выстраданная вера в то, что все в мире, в природе, в человеке, в нашей родной природе — неидеально. Если это порок, то мы грешили Пушкин, Толстой, Чехов, Горький, Леонов, Шолохов. Не скрою удовлетворения, что мы ни в чем не идеальны, но мы не Пушкины и не Шолоховы. Конечно, не все, что мы делаем, способно перенарвать и очистить души нашего зрителя. Но мы стремимся каждой своей работой, каждой выставкой, каждым словом, каждым мастерством, каждым стремлением взять на свои плечи все то трудное и прекрасное, что зовется нашей жизнью.

Вела беседа
З. ГОРЧАНОВА.

За жечь сердца людей